

М.Ю. Лермонтов

ДЕТГИЗ

1947

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Л 492

С Т И Х И
С К А З К А
„А Ш И К - К Е Р И Б“

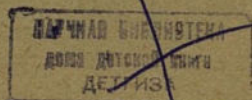
*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград*

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.*

9051

1957-58 г.

680822 КХ-Р09

Российская государственная
детская библиотека

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

(1814—1841)

Великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве 15 октября 1814 года. Мать Лермонтова умерла, когда ему не было еще трех лет. Мальчик помнил только, что была песня, от которой он плакал: эту песню ему пела его покойная мать.

Семья Лермонтовых жила в деревне Тарханы, Пензенской губернии. Это было имение бабушки поэта, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Отец его, Юрий Петрович Лермонтов, капитан в отставке, вскоре после смерти своей жены уехал из Тархан. Мальчик остался с бабушкой.

Дом в Тарханах был просторный, с большим садом. Под горой раскинулся пруд, а за прудом — холмы, леса. Наверху в доме была детская; пол в детской был покрыт сукном. Маленький Лермонтов любил рисовать мелом по сукну и рисовал очень хорошо. Едва начав говорить, он уже любил подбирать рифмы. Прибежит к бабушке и говорит: «пол — стол, кошка — окошко», а сам радостно смеется.

Бабушка всю свою любовь к дочери перенесла на внука. Она заботилась о его воспитании, наблюдала за каждым его шагом, приглашала к нему лучших учителей. Чтобы

Мария Михайловна Лермонтова,
мать поэта.

внуку не было скучно, бабушка взяла в дом нескольких мальчиков. Дети вместе учились, играли в войну, ездили верхом, гуляли, часто ссорились — маленький Лермонтов всегда и во всем хотел быть первым. Он был мальчиком своевольным, вспыльчивым, буйным, но сердце у него было доброе, отзывчивое. Бабушка его была помещица, и крепостным крестьянам жилось у нее плохо. Рассказывали, что, совсем маленький, Лермонтов «напус-

кался на бабушку, когда она бранила крепостных, выходил из себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдавших приказание с палкой, с ножом, что под руку попадалось».

В детстве Лермонтов часто слушал рассказы и песни крепостных о Пугачеве, о войне с французами в 1812 году, о волжских разбойниках. Он любил воображать себя героем этих рассказов и песен.

Отец изредка навещал сына. Бабушка не любила зятя; мальчик не знал, что произошло между ними, но догадывался, что мать его была несчастлива в замужестве и что бабушка обвиняет в этом отца. Мальчик ни у кого ни о чем не спрашивал, но он горячо любил и бабушку и отца, очень хотел, чтобы они жили вместе. Молча и тяжело переживал он их ссору — это первое свое горе в жизни.

Маленький Лермонтов часто болел, и бабушка несколько раз возила его на Кавказ лечиться. В то время железных дорог не было, надо было ехать на лошадях. Ехали долго, останавливались на почтовых станциях; было весело, интересно. На Кавказе все нравилось мальчику: и снеговая цепь синих гор с величавым Эльбрусом, и бурные горные речки, и темные ночи с яркими звездами, и песни горцев, приезжавших верхом из соседних аулов.

Лермонтов навсегда полюбил Кавказ. Много прекрасных произведений посвятил он позднее Кавказу: «Беглец», «Мцыри», «Демон» и другие.

Зимой, в Тарханах, Лермонтов учился и очень много читал. В доме была хорошая библиотека: сочинения русских писателей — Ломоносова, Карамзина, Жуковского, биографии великих людей, лучшие произведения иностранной литературы: «Дон-Кихот» Сервантеса, «Робинзон Крузо» Дефо и многие другие.

Лермонтову было одиннадцать лет, когда в Тарханы стали доходить слухи о том, что 14 декабря 1825 года в Петербурге, на Сенатской площади, произошло восстание. Рассказывали, что восставшие (их стали позднее называть декабристами) хотели свергнуть царя и отменить крепостное право. Потом дошел слух о казни руководителей вос-

Юрий Петрович Лермонтов,
отец поэта.

стания. Разговоры об этом велись шепотом. Лермонтов был еще слишком мал, чтобы разобраться во всем, что происходило, но смутно чувствовал, что правда на стороне восставших.

В 1827 году бабушка увезла внука в Москву, учиться. Она решила отдать его в Благородный пансион при Московском университете. Лермонтов стал готовиться к экзамену. Часто, окончив занятия, он бродил по Москве со своим учителем Зиновьевым. Зиновьев хорошо знал и любил древнюю столицу России — Москву; он рассказывал Лермонтову о ее славном историческом прошлом, о войне 1812 года, о людях, сражавшихся за Москву.

Все в Москве возбуждало у Лермонтова чувство гордости за свой народ, за свою родину. Свою любовь к Москве он выразил позднее в таких прекрасных стихах:

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский — сильно, пламенно и нежно
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.

Через год Лермонтов выдержал экзамен и поступил в Благородный пансион. В то время это было лучшее учебное заведение в Москве; в нем учились Жуковский и Грибоедов, учились и некоторые участники декабрьского восстания. О них в пансионе помнили, и многие воспитанники гордились ими.

В пансионе серьезно занимались литературой — словесностью, как тогда говорили. С литературой знакомились не только на уроках. Воспитанники пансиона много читали, обсуждали в кружке произведения разных писателей, пробовали писать сами и издавали школьный рукописный журнал.

Дом в Тарханах.

В пансион проникали произведения, которые царское правительство запрещало печатать. Это были революционные стихи Пушкина, декабриста Рылеева и других поэтов. Их переписывали и тайно распространяли по всей стране. Молодежь с увлечением читала эти мятежные стихи, заучивала их наизусть.

Эти вольные, смелые стихи были особенно близки Лермонтову. В пансионе он стал яснее понимать, какое тяжелое время переживает Россия. Царь Николай I, встревоженный восстанием декабристов, жестоко расправлялся даже с теми, кого только подозревали в сношениях с участниками этого восстания.

Елизавета Алексеевна Арсеньева,
бабушка поэта.

Лермонтов начал писать с тринадцати лет. Уже в первых своих стихотворениях он говорил о том, что в России «стоит человек от рабства и цепей», что в ней «душно и душа тоскует».

Занятия поэзией не мешали Лермонтову серьезно учиться. По его черновым тетрадям видно, как много он читал, как усердно учился. В этих тетрадах — и учебные упражнения, и переводы с иностранных языков, которые Лермонтов хоро-

шо знал, и записи по истории, и сложные математические задачи, которые он особенно любил решать.

Лермонтов хорошо играл в шахматы, рисовал, лепил, играл на фортепиано и на скрипке. Во всем он проявлял необычайное упорство и настойчивость. Литературу он знал прекрасно; больше всех русских поэтов любил Пушкина.

В 1830 году Лермонтов поступил в Московский университет. Проучившись два года в Москве, он решил перейти в Петербургский университет. Но в Петербургском университете Лермонтову не зачли два года, которые он проучился в Москве. Поступать снова на первый курс он не хотел и решил пойти в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, куда поступали его товарищи. Два года провел Лермонтов в этой школе, где царила суровая, бессмысленная муштра, где запрещалось думать и читать.

Лермонтову было двадцать лет, когда он окончил юнкерскую школу и стал гвардейским офицером. Все эти годы он много писал, но печатать свои произведения не хотел — ему все казалось, что он не написал ничего хорошего.

Наступил 1837 год. Этот год был одним из самых значительных в жизни Лермонтова. В самом начале года он написал стихотворение «Бородино». В этом стихотворении старый

русский солдат рассказывает о Бородинском бое, о той великой любви русского народа к родине, которая всегда помогала ему отстоять свою независимость, дать отпор врагу.

Лермонтов хотел познакомиться с Пушкиным, прочесть ему «Бородино», но им не пришлось встретиться: 10 февраля 1837 года Пушкин был убит на дуэли иностранцем Дантесом.

Весть о гибели великого поэта поразила Лермонтова; он не мог примириться с мыслью о том, что Пушкина нет. В порыве истинного горя и отчаяния Лермонтов написал свое замечательное стихотворение «Смерть поэта». В этом стихотворении он с волнением и гневом говорил о своей ненависти к виновникам гибели Пушкина. Люди знатные и богатые, вместе с царем Николаем I правившие Россией, ненавидели и преследовали великого поэта, боялись его обличительных стихов, хотели его смерти. Лермонтов за-

М. Ю. Лермонтов,
1830—1831 годы.

клеил их позором в своем стихотворении, он выразил в нем гнев и скорбь всего русского народа.

В несколько дней стихотворение «Смерть поэта» в сотнях списков разошлось по Петербургу и другим городам. О Лермонтове заговорили как о большом поэте, как о преемнике Пушкина.

Стихотворение было доставлено Николаю I с надписью: «Воззвание к революции». Лермонтов был арестован.

Вскоре после ареста последовал приказ: «Корнета Лермонтова перевести в Нижегородский драгунский полк тем же чином». Казалось, что приказ милостив. Но Нижегородский полк стоял в то время на Кавказе, где шла война с горцами. Лермонтова посылали под пули горцев в надежде навсегда избавиться от беспокойного поэта.

В феврале Лермонтов уехал в ссылку. На Кавказе он встретился с сосланными туда декабристами и особенно сблизился с поэтом-декабристом А. И. Одоевским. Когда Одоевский умер в ссылке, Лермонтов, не боясь навлечь на себя гнев царя, написал в память его прекрасные стихи.

На Кавказе Лермонтов много писал. Он наблюдал жизнь горцев, записывал народные песни и предания. Здесь он записал сказку «Ашик-Кериб». Эту сказку рассказывали много-много лет назад, рассказывают и теперь на грузинском, армянском, азербайджанском и других языках. Лермонтов чудесно рассказал ее по-русски.

Еще в Петербурге Лермонтов начал писать «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и теперь, на Кавказе, кончил ее. Герой песни, Степан Калашников, человек сильный, гордый, защищая свою честь, убивает царского опричника и идет на

Домик в Пятигорске, где жил М. Ю. Лермонтов.

злую казнь спокойно, с достоинством. Он похож на героя русской былины, и вся песня проникнута русским народным духом.

В ссылке Лермонтов пробыл недолго; не прошло и года, как бабушка добилась возвращения его в Петербург, в тот же самый гусарский полк.

Лермонтов был уже знаменитым поэтом. Он написал к этому времени больше трехсот стихотворений, много поэм, несколько драм. В Петербурге он работал над новыми произведениями, написал большой роман «Герой нашего времени».

Но царское правительство снова позаботилось о том, чтобы убрать неугодного поэта. Лермонтов был арестован

и в апреле 1840 года отправлен на Кавказ, во вторую ссылку.

В начале 1841 года бабушка, которая была уже очень стара, выхлопотала внуку разрешение приехать в Петербург на несколько дней для свидания с нею. Но Лермонтову не пришлось пробыть в Петербурге до конца отпуска — ему приказано было в сорок восемь часов покинуть столицу.

Прощаясь с поэтом, один из друзей подарил ему записную книжку. Это была последняя записная книжка Лермонтова. В ней записал он в пути много новых прекрасных произведений и среди них — полное грусти стихотворение «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»

Как дубовый листок нигде не нашел себе приюта, так не находил себе приюта и затравленный царем великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов.

27 июня 1841 года Лермонтов погиб на дуэли. Его вызвал на дуэль отставной майор Мартынов. Нашлись люди, которые постарались разжечь в нем злобу против Лермонтова, внушить ему, что Лермонтов издевается над ним. Эти люди знали, что смерть поэта будет угодна царскому правительству, что для них она пройдет безнаказанно.

Дуэль состоялась недалеко от Пятигорска, у подножия горы Машук.

Был вечер; черная грозовая туча подымалась над горой. Лермонтов стоял спокойно, подняв пистолет дулом вверх, — он не хотел стрелять. Мартынов быстро прицелился и выстрелил.

Лермонтов был убит, когда ему не было еще двадцати семи лет. Его похоронили в Пятигорске. Только после долгих хлопот бабушка получила разрешение перевезти

тело поэта в Тарханы, где и находится теперь его могила.

Великий поэт оставил нам прекрасные, сильные, смелые произведения, проникнутые непримиримой ненавистью к насилию и угнетению, горячей любовью к родной стране, к родному народу.

Слава Лермонтова перешла за пределы родины — произведения его переведены почти на все языки мира, а в нашей стране его знает и им гордится весь советский народ.

Н. ШЕР

* * *

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин¹
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

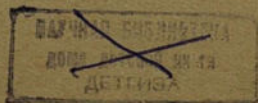
¹ Чуждый властелин — французский император Наполеон Бонапарт.

² Лермонтов

17

680822

Российская государственная
детская библиотека

БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут¹.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою;

¹ Р е д у т — небольшое укрепление, обнесенное земляным валом.

Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?

Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»¹
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета²,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак³ открытый:
Кто кивер⁴ чистил, весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...

¹ Добратся до картечи — начать обстреливать врага картечью — артиллерийскими снарядами.

² Лафет — станок, на котором укрепляется пушка.

³ Бивак — стоянка войск под открытым небом для отдыха.

⁴ Кивер — старинный военный головной убор.

Да, жаль его: сражен булатом ¹,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны ² с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

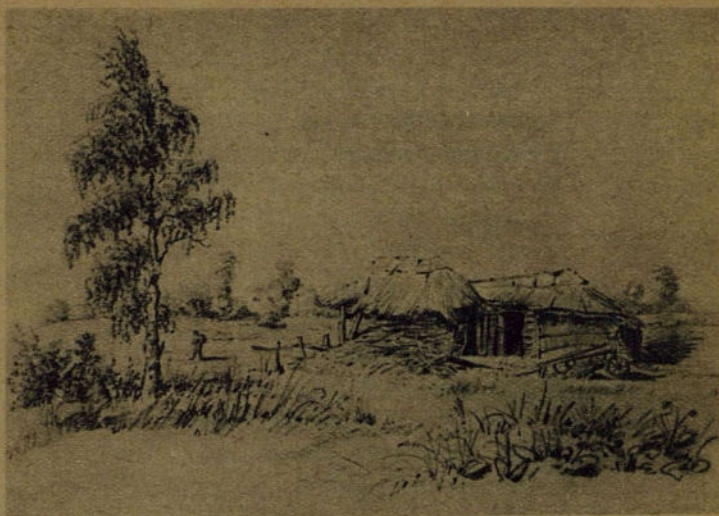
¹ Булат — старинная сталь. Здесь булат — холодное оружие: сабля, штык.

² Драгуны и уланы — кавалеристы.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам? —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

ПАРУС

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы, он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой:
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: — за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно-холодные, вечно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе;
И корни мои умывает холодное море».

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

ТРИ ПАЛЬМЫ

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей¹ зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

¹ Куша — шатер, сень деревьев.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки¹,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса² вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копые на скаку.

¹ На шею верблюдам в караване привязывали звонки.

² Ф а р и с — так у кочевников-арабов назывался наездник.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император¹ зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

¹ Император — французский император Наполеон. После войны 1812 года он был сослан на остров Святой Елены в Атлантическом океане и там умер.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой;
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет.
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один.

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

БЕГЛЕЦ

(Горская легенда)

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли;
И под пятой у супостата¹
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит!

¹ Супостат — враг.

И скрылся день; клубясь, туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул¹ родимый
При лунном свете узнает;
Подкрался он, никем не зримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой;

И к сакле² он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе, мучимый недугом,
Один, — он молча умирал...
«...Велик Аллах!³ от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!» —
«Что нового?» спросил Селим,

¹ Ау л — селение, деревня.

² Сакля — жилище, хижина у горцев Кавказа.

³ Аллах — бог у магометан.

Подняв слабеющие вежды¹,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне,
Как зверь, преследуем, гоним;
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей² и волков;
Черкесы гибнут — враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»
И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..
Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.
И, саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело.

¹ Вежды — веки.

² Вепрь — дикий кабан.

И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: «Я любим;
Она лишь мной живет и дышит...»
И хочет он взойти — и слышит,
И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:

«Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит¹,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароят.
Месяц плывет
И тих и спокоен,

¹ Джигит — на Кавказе искусный наездник.

А юноша-воин
На битву идет».

Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...
Но вот, от бури наклоненный,
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него;
Старуха-мать ждет сына с битвы,
Но ждет его не одного!
«Мать, отвори! Я странник бедный,
Я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!» — «Один?» —

«Один!..» —

«А где отец и братья?» — «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли». —
«Ты отомстил?» — «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...» —
«Молчи, молчи! гяур¹ лукавый,

¹ Гяур — так магометане называли людей другой веры. Слово это имело бранное значение.

Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И все кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моления
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал, рыча, домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится, стуча,
Но, внемля громкий стих Корана¹,
Бежит опять под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

¹ К о р а н — священная книга у магометан.

**ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ
ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,
МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА
И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА**

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твое¹ любимого опричника
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.

¹ В этом произведении некоторые слова написаны так, как их произносил встарину народ: твое — твоего, три дни — три дня, ходют — ходят.

Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенцо новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И всё слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствии свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;

Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широко грудь, —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На молодого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником, —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться:
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем бы тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?

Или конь захромал худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.
Как я сяду-поеду на лихом коне
За Москву-реку покатаются,
Кушачком подтянуся шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодухи
И любят, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любит,
Полосатой фатой¹ закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка,
Смотрит сладко — как голубушка,
Молвит слово — соловей поет,

¹ Фата — шелковая или кисейная ткань, которой встарину женщины закрывали лицо, выходя на улицу.

Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божиним;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой, —
Прозывается Аленой Дмитревной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удальство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?

Отпусти меня в степи Приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделют по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное¹ черкасское.

¹ Б р а н о е — узорчатое.

Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сирые¹ дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — празднуй свадьбку,
Не полюбишься — не прогневайся».

«Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...»

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

¹ С и р ы е — сиротские, одинокие, бесприютные.

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквях;
За Кремлем горит заря туманная;
Набегают тучки на небо,
Гонит их метелица распеваячи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой призадумавшись
К молодой хозяйке за Москву-реку.
И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:

«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмитриевна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена Дмитриевна;
Вот уж поп прошел домой с молодой попадьей,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сию пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнѣхонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,

Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобою, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись...
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтоб свету божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»
И услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютой,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нониче
Вдоль по улице одинёшенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шопотом:
«Что пугаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня цаловать-ласкать
И, цалуя, все приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу, я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, цаловал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...

А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня, честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка;
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка;
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой стороншке пропал без вести,
А меньшой мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючьими слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонились

И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилось,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?» —
«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилась:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому;
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось господь вас помилует!»
И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушные;
Когда сизой орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются.
Ты наш старший брат, нам второй отец:
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
 Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
 Уж потешьте вы доброго боярина
 И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
 Над стеной кремлевской белокаменной,
 Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
 По тесовым кровелькам играючи,
 Тучки серые разгоняючи,
 Заря алая подымается;
 Разметала кудри золотистые,
 Умывается снегами рассыпчатыми;
 Как красавица, глядя в зеркальцо,
 В небо чистое смотрит, улыбается.
 Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
 На какой ты радости разыгралася?

Как сходились, собирались
 Удалые бойцы московские
 На Москву-реку, на кулачный бой,
 Разгуляться для праздника, потешиться.
 И приехал царь со дружиною,
 Со боярами и опричниками,
 И велел растянуть цепь серебряную,
 Чистым золотом в кольцах спаянную.
 Оцепили место в 25 сажень
 Для охотничьего бою, одиночного.

И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку,
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, того бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидаёт с могучих плеч шубу бархатную;
Подпершись в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,

После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрют пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».
Отвечает Степан Пармонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честного отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
Об одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируячи;
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса, из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.

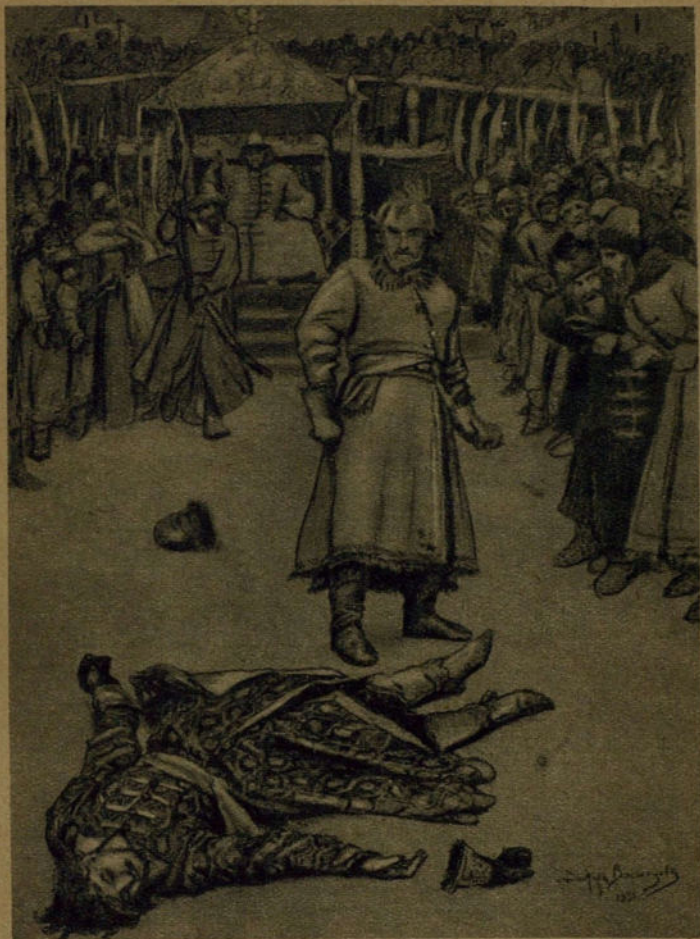
И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул ó землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя
Ты убил на смерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно¹,

¹ Торговать безданно, беспошлинно — торговать, не платя дани или пошлины, то есть денежного сбора.

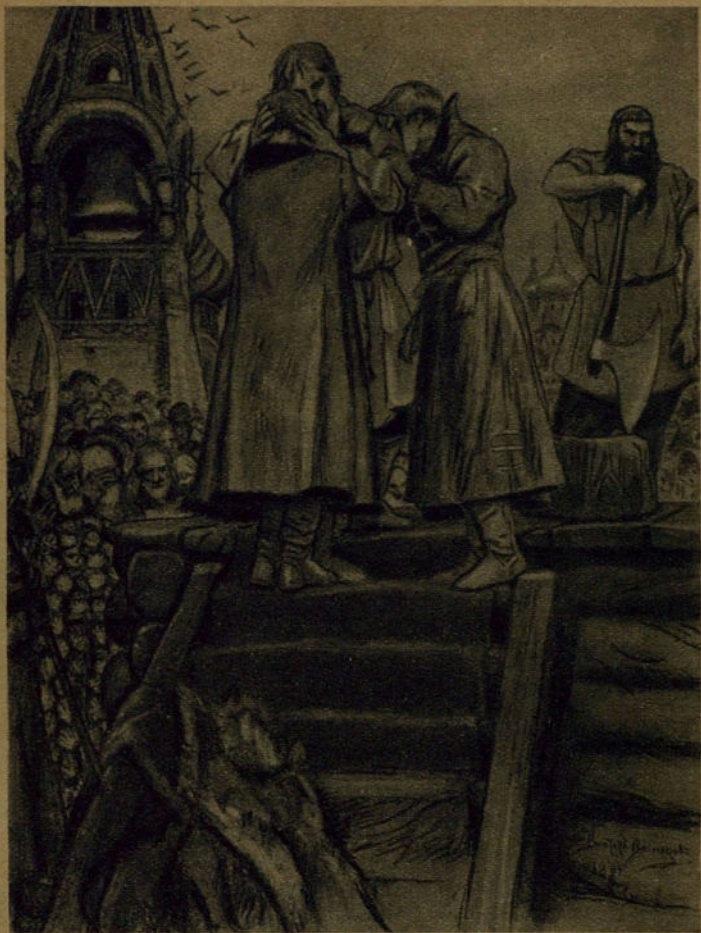

А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное¹,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит, воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалого бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,

¹ Место лобное — возвышенное место на площади, с которого объявляли царские указы. На лобном месте казнили осужденных.

Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покати́лась.
Схоронили его за Москвой-рекой
На чистом поле промеж трех дорог,
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою;
И проходят мимо люди добрые, —
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусли́ры — споют песенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
Гусли́ры молодые,
Голоса заливные!
Красно́ начинали — красно́ и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тароватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому
Слава!

АШИК-КЕРИБ

(Турецкая сказка)

Давно тому назад в городе Тифлисе жил один богатый турок. Много Аллах дал ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше; так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиса. Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб. Пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых. На одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды

у бедного Ашик-Кериба получить ее руку, и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул. В это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами, и одна из них, увидав спящего ашика (бала-лаечника), отстала и подошла к нему. «Что ты спишь под виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо». Он проснулся, девушка порхнула прочь, как птичка. Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить. «Если б ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб». — «Веди меня к нему», сказала Магуль-Мегери, и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. «Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею». — «Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет». — «Хорошо, — отвечал он, — положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан. Нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она делается женой Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил

через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиса. И вот догоняет его всадник; он смотрит: это Куршуд-бек. «Добрый путь! — кричал ему бек. — Куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ». Не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать. Долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни брода. «Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл. Переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий Аллах! — Куршуд-бек, взяв его одежды, уехал обратно в Тифлис; только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлис, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. «Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежда». В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливаться их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей. — Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это всё выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем». Она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню. Добрые люди одели его и накормили; он за это пел им чудные песни. Таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город, и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф. По обыкновению, взошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников. Многих к нему приводили, — ни один ему не понравился. Его чау-

ши¹ измучились, бегая по городу. Вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос. Они туда. «Иди с нами к великому паше́, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою». — «Я человек вольный, странник из города Тифлиса, — говорит Ашик-Кериб; — хочу — пойду, хочу — нет; пою, когда придется, и ваш паша мне не начальник». Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», сказал паша, — и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери, и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды. Счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат. Забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истек. Последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. В это время отправлялся один купец с караваном из Тифлиса с сорока верблюдами и восьмьюдесятью невольниками. Призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и, вдобавок, вес его золотом». Отправился купец; везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай и видит золотое блюдо в лавке тифлисского

¹ Ч а у ш и — слуги.

купца. «Это мое!» сказал он, схватив его рукою. «Точно, твое, — сказал купец: — я узнал тебя, Ашик-Кериб. Ступай же скорее в Тифлис: твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого». В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собой суму с золотыми монетами — и поскакал, не жалея коня. Наконец, измученный бегун упал бездыханный на Арзинган-горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиса два месяца езды, а оставалось только два дня. «Аллах всемогущий! — воскликнул он, — если ты уж мне не поможешь, то мне нечего на земле делать!» И хочет он броситься с высокого утеса. Вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: «Оглан (юноша), что ты хочешь делать?» — «Хочу умереть», отвечал Ашик. «Слезай же сюда; если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою». — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй». Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. «Что ж ты отстаешь?» спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». — «Правда; садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебе нужно ехать?» — «Хотя бы в Арзерум поспеть нынче», отвечал Ашик. «Закрой же глаза». Он закрыл. «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним бедеют стены и блещут минареты Арзерума. «Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся; я хотел сказать, что мне надо в Карс». — «То-то же, — отвечал всадник, — я преду-

предил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой». Ашик себе не верит, то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб; но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по-настоящему надо в Тифлис». — «Экой ты неверный! — сказал сердито всадник; — но нечего делать, прощаю тебе. Закрой же глаза. Теперь открой», прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиса. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлис, мне никто не поверит: дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда, если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня; но только он поднял голову — всадник и конь исчезли. Тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз.

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой. Стучит он в двери дрожащею рукою, говоря, «Ана, ана (мать), отвори! я божий гость, и холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных; есть теперь в городе свадьбы, ступай туда! там можешь провести ночь в удовольствии». — «Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых

не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына,пусти меня!» Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная! — отвечала старуха; — ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отворила двери ипустила Ашик-Кериба. Сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться. И видит он, на стене висит, в пыльном чехле, его сладкозвучная сааз, и стал спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом». — «Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз», отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» — «Сааз то значит, что на ней играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя, — отвечала старуха, — это сааз моего несчастного сына; вот уже семь лет она висит на стене, и ничья живая рука до нее не дотрагивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз иотдала ему. Тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О всемогущий Аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней!» И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий), и слова мои бедны; но великий Хадерилиаз помог мне спуститься с крутого утеса. Хотя я беден и бедны слова мои, узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его

зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — «Рашид» (храбрый), отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она, — своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, — я вот уж семь лет, как ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила. И спустя несколько времени просит он: «Позвольте, матушка, взять сааз и итти; я слышал, здесь близко есть свадьба; сестра меня проводит, я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха; — с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходила из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны. «А если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его. Проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавесом) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкум! вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами; и за то я спою вам песню». — «Почему же нет, — сказал Куршуд-бек. — Сюда должны быть

впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба; спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинди-гёрурсез» (скоро узнаете). — «Что это за имя! — воскликнул тот со смехом. — Я в первый раз такое слышу». — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать: сына или дочь бог ей дал; им отвечали — шинди-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя». После этого он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дня».

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь! как можно из Халафа приехать сюда в три дня?»

«За что ж ты меня хочешь убить? — сказал Ашик. — Певцы обыкновенно со всех четырех сторон собираются в одно место; и я с вас ничего не беру; верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», сказал жених, — и Ашик-Кериб запел снова:

«Утренний намаз¹ творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзеруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе и вечерний намаз в Тифлисе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня; он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелье, из ущелья на гору:

¹ Намаз — молитва.

Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ее подруги. — Стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека?» — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», отвечала Магуль-Мегери, и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула и бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених, — но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?» — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень; если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоса. Но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стоя в сенях у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она, — это точно брат, и точно твой сын Ашик-Кериб», и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комочек земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвив: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадерилиаз», и мать его прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине

слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу! Сестра моя не хуже твоей прежней невесты; я богат, у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Михаил Юрьевич Лермонтов. — Н. Ш е р	5
«Москва, Москва!.. люблю тебя как сын...» (отрывок из поэмы «Сашка»)	17
Бородино	18
Родина	24
Парус	25
Узник	26
Утес	27
Тучи	28
«На севере диком стоит одиноко...»	—
«Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»	30
«Горные вершины...»	31
Три пальмы (восточное сказание)	—
Воздушный корабль	35
Беглец (горская легенда)	39
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	47
Ашик-Кериб (турецкая сказка)	69

Для начальной школы

Редактор В. Гакина. Художественный редактор В. Нахомов.

Технический редактор О. Чеботарева.

Корректоры Е. Вильтер и Е. Трушковская.

Подписано к печати 29/X 1947 г. 5 печ. л. (3,3 уч.-изд. л.). Тираж 150 000 экз.

АО90000. Заказ № 778. Цена 1 р. 40 к.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сущевский вал, 49.

Прог. 1950

~~9951~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

Цена 1 р. 40 к.

200 =

